

ЧЕРВОВЫЙ РАСКЛАД

Он отчитывает меня. Он опять отчитывает меня. Это так забавно, учитывая, что он – желторотый юнец, а я – зрелый, состоявшийся мужчина. Но я позволяю ему наезжать на меня. Ему можно. Потому что он – это я, только на семнадцать лет моложе.

Он распинаятся и брюзжит, что я порчу его отношения с родителями, компрометирую его перед друзьями, трачу скудные карманные деньги на всякую ерунду и даже неаккуратно обращаюсь с его телом.

А я молчу и про себя улыбаюсь, вспоминая Наташку, такую юную, живую, непосредственную. Вспоминаю, что мы вытворяли у неё дома, оставшись одни. Это, надо полагать, расцарапанная спина является неаккуратным обращением с телом?

А он не понимает. Даже порванную рубашку припомнил!

Ну, хватит! Пора пресекать этот пустой трёп!

Да, я вернулся вчера в полвторого ночи. Нарвался на родительский скандал. Но всё это ерунда! Ты потом сам поймёшь – от молодости нужно брать по максимуму. Да, я лазил за цветами для Натки в чей-то сад и порвал рубашку. Если бы я мог захватить с собой в прошлое денег, лезть не понадобилось бы, но мы меняемся только сознаниями, сам знаешь. Да, я как-то ляпнул в компании, что хочу стать отцом, и твои друзья, конечно, подняли меня на смех, зато видел бы ты глаза Наташки! Да, признаюсь, признаюсь... Но давай-ка поговорим и о твоём поведении. Ты снял какую-то шлюху и забавлялся с ней в моей машине. Ты потратил всю мою наличность из бумажника. Ты умудрился по телефону обзвать моих деловых партнёров нудными... как? ушлёпками? А твоё поведение и твоя лексика, когда ты гонял с детьми на симуляторе! Ты компрометируешь меня перед моей семьёй и компаньонами... Я уж не говорю про неизменно пустой бак «хонды» после твоих покатушек...

Не шлюха? Просто подвёз девчонку? И, наверное, она причёсывалась на заднем сиденье, оставив там светлые волосы? Ну-ну. Но по остальному, так понимаю, вина признаётся? Он молчит, и я представляю, как краснеют от стыда его уши. В том месте, где мы встречаемся, мы не видим друг друга в привычном понимании слова «видеть». Общение происходит при помощи не поддающихся описанию мыслечувств, а разум уже додумывает всё остальное.

Молчит... Может, я с ним слишком жёстко? Мне кажется, я всегда получаю от наших рокировок больше, чем он. Эмоционально. Психологически. Но и он отрывается в мире высоких технологий по полной! Тут тебе и компьютерные игры, и домашний кинотеатр с хитовыми фильмами, и интернет. Ну и, конечно же, «Хонда» объёмом два и четыре, двести «лошадей» на минуточку. Да любой юнец хоть в прошлом, хоть в настоящем за счастье оказаться за штурвалом такого «космолёта» полжизни отдаст, не то что каких-то шесть-семь часов. Правда, когда я думаю о том, что вверяю в руки семнадцатилетнего пацана, не имеющего прав, аппарат ценой в двадцать косарей зелени, мне становится... неудобно. Но я напоминаю себе, что он – это я, что батин «Москвич» я водил с пятнадцати лет и что за все эти годы на моём счету не было ни одной аварии. Тьфу-тьфу, как говорится...

Ну, вот, угомонился. Успокоился. Это правильно. Незачем нам портить отношения.

Я планирую совершить ещё несколько визитов в своё прошлое, побыть ещё чуток с Натусей, прежде чем нам нужно будет расстаться. Всё закончится к осени. Осени по его времяисчислению, когда на горизонте появится Ирка, пропустить встречу с которой нельзя, ибо это ключевой момент моей жизни. Наташа, конечно, не идёт ни в какое сравнение ни с Ирккой, ни с появившейся позже Жанкой, моей нынешней женой и матерью двух моих сыновей, но, во-

первых, я-молодой ещё не осознал тогда всей ценности своей девушки, а во-вторых, тут уж ничего не поделаешь. Нужно устроить так, чтобы моё настоящее, его будущее, стало таким, каким я его знаю. Самодеятельность ни к чему, хотя сердце, по правде сказать, начинает скулить при мысли о том, что я потеряю самого дорогого для меня человека. Ведь светлую память о нашей любви я пронёс через годы.

Да, да! Мир, дружба, жвачка. Как же иначе?!

В общем, так – Жанна с детьми у тёщи, «Хонда» в гараже с полным баком. Ключи – где обычно. Никакого алкоголя за рулём! И никакого дрифтинга, понял?! Ах, ты не знаешь, что это такое?! Тем лучше! Будь осторожен! Во-первых, за машину урою, если разобьёшь. Как-как?! Не знаю как, но урою. Во-вторых, ты сам... Хрен его знает, что может произойти, если ты там у меня застрянешь или, чего доброго, расшибёшься. Ну и сам понимаешь, мне будет неприятно проснуться в ментовской клетке или на больничной койке. В койке какой-нибудь шалавы тоже, не подмочи мне репутацию. Ладно, ладно. Нотаций больше не будет. Что говоришь? Прокатишься и засядешь смотреть «Людей в чёрном» с пивом? Хорошая мысль! Кстати, поищи в супермаркете Leffe тёмный. Пиво что надо, у себя такое не найдёшь. И рыбку к нему... Сёмгу, например. Что? Я поучаю как отец? Ну-у... вполне возможно.

Ладно, ты там у меня уже освоился, разберёшься. И вот ещё что... когда жена вернётся...

Про это не хочется, но из песни слов не выкинешь. В прошлом я занимаюсь любовью с Наташкой, а он в моём теле исполняет супружеский долг, радуя Жанку напором и внутренней энергией. Результат и там, и тут всех устраивает.

Что? За кого ты меня принимаешь?! Естественно, я не приду домой пьяным – теперь его очередь давать наставления. Хорошо, постараюсь не поздно. Помню, что к двенадцати мать уже вся на нервах, никак не привыкнет, что я вырос... Эх, как легко решил бы такие проблемы мобильный телефон...

Не врубать громко музыку при соседке, экономить карманные деньги, беречь одежду, не душить подаренным тёткой одеколоном, если иду с приятелями – издёвок не оберёшься. Хм, смешной... Неужели я таким был? Не иду я ни с какими приятелями! Я Наташку веду в те... Нет, не скажу. Решит ещё, что такое времяпрепровождение скомпрометирует его. Не поймёт пацан, не прохаваает, как они сами говорят, фишку. Театр для них что-то такое... непонятное, неприкольное, некрутое. Это уже потом, благодаря студенческой тусовке, я приобщился к этому искусству, и сценическое действие стало увлекать. Года через два-три.

Всё, да?! Ну, давай! Удачи! Ночью встретимся. Во сне.

Я не знаю, как это происходит, что за механизмы совершают переход. Не знаю, как мы меняемся и как моё сознание попадает в тело меня самого, каким я был в семнадцатилетнем возрасте, а его переселяется в моё нынешнее. В тело отца двоих сыновей и средней руки предпринимателя, потяжелевшее с тех пор на двадцать кило и семнадцать лет.

Я не знаю, как это происходит и что за этим стоит.

Искрящаяся круговерть, давящая на виски и вызывающая холод в желудке, втягивает внутрь, несёт по спирали мимо огней, мимо тьмы, мимо бесцветных таинственных образований и выбрасывает по ту сторону времени.

Старая квартира. Маленькая, уютная комнатка. Шелестящий за окном тополь. Плакаты на стенах. Забытые имена вроде KISS, AC/DC, Scorpions, мотоциклы, активные тогда соперники

Сталлоне и Шварценеггер. Стол почти пустой в межсезонье двух учебных эпох: школьной и институтской. Лампа, облепленная наклейками от жвачек...

...И порванная на клочки семёрка червей из заветной четвертованной колоды – наш способ нарушать основы мироздания и совершать путешествия во времени.

Откуда она взялась? Стопроцентного ответа не будет, но ниточка тянется с дня, когда четверо пацанов, приехавшие на озеро, взяли под вечер в собутыльники маленького невзрачного мужичка, который, хоть и представился местным жителем, вряд ли им был. Судя по внешности и простецкой походной одежде, он с равным успехом мог бы вписаться в любой пейзаж: казахских степей, сибирской тайги, белорусских лесов. Впрочем, он и был настоящим скитальцем и по просторам необъятной Родины, и за её пределами. Этаким беспородный Сенкевич. К таким обычно приклеивается прозвище «гражданин мира». Водка славно пошла под ароматную ушицу и его многочисленные байки. Я оказался неожиданно самым стойким бойцом, и в итоге мы остались с мужиком вдвоём. О чём мы тогда говорили по пьяни – не вспомню. Что-то о судьбе, желаниях, смысле жизни. Куда потом делся этот уникальный персонаж – тоже осталось загадкой. Однако по возвращении из похода я обнаружил на дне рюкзака завёрнутые в серую обёрточную бумагу и разложенные по порядку тринадцать карт червовой масти, от двойки до туза. Карты были странными, как и тот, кто их подкинул. Во-первых, ничуть не похожие на те, что можно купить в магазине, с вычурными изображениями в готическом стиле и тонким рисунком паутины в качестве крапа. Во-вторых, они вроде бы казались новыми, но в то же время создавалось впечатление, что эта чёртова дюжина прошла через десятки рук. На бумаге, в которую были завёрнуты карты, я нашёл единственную подсказку. «Не порван – не вор» – так гласила карандашная надпись, сделанная корявым, но не лишённым изысканности почерком. Это было всё.

С сего момента история разделяется. Я уверен, что, покрутив эту загадочную четверть колоды, сунул её в дальний угол к выполнившим свою миссию школьным тетрадкам и книжкам и забыл. Мой юный двойник из прошлого утверждает, что в первый же вечер порвал верхнюю карту. Двойку. Сделав это, он словно провалился в какую-то неопределённую пустоту, в которой ему явился я.

А что же я?

Свёрток с картами пролежал среди старых бумаг вначале в отцовском гараже, потом в моём, пока я в один совсем не прекрасный день, спустя целых семнадцать лет, не обнаружил их, делая после зимы генеральную уборку в логове моей «Хонды». Накануне я поссорился с женой и с утра пораньше ушёл из дома, чтобы успокоить нервы. Я рассчитывал куда-нибудь поехать, но погода выдалась совсем не мартовская, с морозцем и вьюгой, и я застрял в своём двухэтажном гараже. У меня был обогреватель, бутылочка вина, любимые диски, а также старый хлам, который давно стоило пересортировать и, закрыв глаза на все сентиментальные воспоминания, отправить в мусор. Карты нашлись по соседству с дневником за десятый класс и блокнотом аккордов популярных некогда песен. Я развернул протёртую на сгибах бумажку и взглянул на «Не порван – не вор» иными глазами. Двойка, лежащая сверху, словно сама попросилась мне в руку. Я улыбнулся, припомнив пьяный вечер у озера, своих друзей того времени, свою первую любовь...

И порвал её.

Так мы и встретились. Сошлись бестелесными оболочками то ли во сне, то ли в каком-то неведомом месте без пространства и времени, которое, за неимением лучшего названия, нарекли «астралом». Так стартовала история с обменом тел...

Ладно, пора собираться. Начать с ванной, где, прежде всего, насладиться своим отражением в зеркале. Экий красавчик! Приятно полюбоваться! Постричься разве что не мешало, а так... ни тебе обрюзгших щёк, ни второго подбородка, ни выпирающего брюшка. Ясные глаза без признаков усталости. Подтянутое тело на пике, так сказать, формы. Не атлет, конечно, но и мышцы, и пресс – твёрдая четвёрочка. Холодный душ для такого тела – одно удовольствие. Энергично растереться. Почистить зубы. Причесаться.

Так, одежда, конечно, не поглажена. Хорошо хоть, постирана, но это уже мамина заслуга. Кстати, о родителях. Придут ведь с минуты на минуту! Желательно улизнуть до этого момента, а то начнётся... Ух, во мне прям дух юности проснулся! Ладно, джинсы можно и не гладить, а вот рубашку придётся. Как же этот древний уют долго греется! Хм, а ведь эта рубашка у меня до свадьбы доживёт. Правда, в качестве ветоши...

Надеваю. Пока что она очень даже ничего. Заправлять в джинсы или нет? Нет, тогда предпочитали навывпуск. Прикид, конечно, не для театра, по большому счёту, но выглядит нормально. Звоню Наташке. Привет, милая. Тоже рад тебя слышать. Готова? Ну, замечательно! Я уже выхожу. Ага. Какие планы на сегодня? Знаешь, у меня есть для тебя один сюрприз...

Спектакль просто классный! Особенно если смотришь в первый раз. Комедия, но одна из тех, где смешно и грустно одновременно, а финал ещё и с элементом неопределённости. Именно такой бывает зачастую реальная жизнь.

Мы стоим с Наташкой на остановке и ждём запаздывающий троллейбус. Юрких маршруток ещё нет, первые из этой гвардии появятся лишь через пару лет. На такси, ясен пень, нет денег. Стоим. Ждём.

Времени совершенно не жаль, когда я с ней. Наташка в красивом синем платье и белых босоножках. На шее тонкая ниточка бус, на запястье – плетённая из бисера фенечка. Принцесса! Я стою за её спиной, обнимаю за плечи, наклонившись к щеке, вдыхаю ни с чем не сравнимый, тонкий аромат её духов вперемешку с запахом кожи. Меня наполняет изумительное состояние эйфории. Мы целуемся. В душе такой щенячий восторг! Ещё бы – снова чувствовать себя семнадцатилетним! Снова этот калейдоскоп сумасшедших красок и ощущений. Могу как ветер пронестись по аллее, могу вскарабкаться на фонарь и оттуда прокричать на весь мир актуальное во все времена «Я тебя люблю!». Конечно, молодое тело – это не всё. Никуда не деть накопленный жизненный опыт, что сидит во мне, изменившуюся с годами шкалу ценностей, само восприятие мира. Однако, как оказалось, можно не заикливаться на этом и просто быть собой. Ловить кайф от молодости, от оживших воспоминаний, от музыки, уже давно ставшей ретро, от общения с любимой девушкой, причём именно такой, какой я её запомнил. Вот это последнее – самое главное. Наташка, ага. После того, как мы расстались, я долго ещё тосковал. Не смог забыть её даже спустя годы. А тут она вот, рядом, я держу её в своих объятьях и целую, целую...

Сказка! Ожившие воспоминания! Если бы мне суждено было оказаться в чьём-нибудь чужом теле, таком же молодом и юном, но чужом, или пусть в моём, но в другом времени, мне не было бы так хорошо, так чудесно. Интересно, за что мне такое счастье?

Она смеётся. Я забавный или сказал что-то смешное? Впрочем, какая разница?! Смотри, смотри, как летит тополиный пух в свете фонаря! Словно снег. Красиво, правда?

Мне очень хорошо с тобой, милая. Жаль, что это не может продолжаться бесконечно. Карт осталось семь. И на последней нам придётся расстаться. Не позднее, чем через два месяца.

Да. Мы и так изменили ход событий. По собственным воспоминаниям, я расстался с Наташкой в мае и всё лето до зачисления в институт был один. Когда нас свели карты, я предложил себе-молодому поступить иначе. Помириться с Наткой и не расставаться с ней до осени. Поначалу он был против. Надулся, встал в позу, однако я попытался его переубедить. Ведь что стало причиной разрыва? Некое недопонимание, недосказанность, помноженные на мифическую разницу в характерах, короче ничего серьёзного. Немного работы над собой, шаг-другой навстречу друг другу... Всё можно исправить, если постараться. Добротные отношения строятся по кирпичику, и всегда приходится чем-то жертвовать.

Наташка... Ну, согласишься, она стоит этих усилий.

Я уговаривал его с высоты опыта и уговорил, пообещав взять процесс примирения на себя.

Я-молодой предпринял последнюю забавную попытку защититься тем, что «лавстори» помешает ему подготовиться к поступлению. Но по этому вопросу у меня-взрослого нашлось, чем его порадовать и окончательно убедить, что всё будет хорошо. Я ведь знал, в том году проходной балл оказался достаточно низким и особо напрягаться не стоило. От репетитора по математике можно было и вовсе отказаться, а сэкономленные деньги потратить более приятным способом. Имелся вариант вообще поступать на другую, соседнюю, специальность, где конкурс практически отсутствовал, но, решишь мы на такое, я даже не знаю, как сложилась бы моя жизнь.

Да, очень важный момент. По возвращении домой из прошлого я не нахожу в своём времени никаких изменений! Поначалу это меня беспокоило. Я, помнивший из книжек и фильмов про незыблемость причинно-следственных связей, не понимал, как это может быть – «эффект бабочки» и всё такое. Потом привык, успокоился и расслабился. Ну и ладно. Теории фантастов терпят крах. По крайней мере, на этом промежуточном этапе. Как следует поразмыслив, мы с двойником из прошлого пришли к выводу, что в нашем случае, скорее всего, имеет место накопительный эффект и, когда закончатся карты, мне аукнется всё, что я натворил в собственном прошлом. Вообще, тема эта до чёртиков сложная и непонятная. Сейчас я уверен лишь в одном: если одинокий первокурсник в сентябре не встретит девочку Ирочку, дочь богатых родителей, он останется никем и ничего не достигнет в жизни.

Я успеваю на последний троллейбус. К полуночи окажусь дома. Хотя, будь моя воля, не терял бы и минуты лишней из отведённых мне судьбой, чтобы побыть с Наткой.

Город проплывает тёмный, спящий, без неоновых реклам и шума расплодившихся в будущем кабаков. Машины – старые. Шестисотый «Мерседес» – неимоверная крутизна. Представить на этих улицах «Порш» и «Хаммер» нереально. О мобильных телефонах и интернете никто не знает. Здесь катится к закату эра русского рока и восходит звезда электронной музыки. Здесь сбивают первичный капитал челноки и бандиты начинают переквалифицироваться в бизнесменов. Здесь всё идёт своим чередом.

Кто я тут? Чужак? Диверсант? Турист? Заблудившийся несчастный странник? Может быть, таким же странником был тот тип у озера?

Интересно, имейся вариант остаться здесь подольше или... даже навсегда, воспользовался бы я им? Оставил бы себя молодого в 21-м веке разбираться с бизнесом, двумя шалопаями,

женой-стервожиной, а сам бы проснулся завтра здесь, в 20-м, на пахнущих «Лотосом» простынях, под шёпот тополя, никуда не спеша, ни о чём не заботясь. Пробежку бы устроил, зарядку. А потом... собрали бы с Наташкой рюкзаки и метнулись бы на юг автостопом – всегда мечтал это сделать. Сколько возможностей...

Хотя на самом деле возможностей не так уж и много: карманы-то пусты.

Да, останься я здесь, с Наташкой мне всё равно не быть, если я не хочу вечно пребывать в роли нищего студента и оправдывать свою жизнь философией про рай в шалаше.

Блин! Ну, вот я знаю на обывательском уровне историю своей страны, помню политическую и общественную обстановку, всякие мелочи, разбираюсь в механизмах бизнеса. И что? При наличии стартового капитала я знал бы, как его прокрутить. Капитала нет. Работать и копить? Сколько лет придётся копить в условиях галопирующей инфляции? Выиграть в тотализатор, поставив на правильную лошадку – нет тотализатора. И долго ещё не будет. Найти инвесторов? Да где их искать, настоящих инвесторов, а не бандитов-ростовщиков? И как их убеждать? Добыть бабки криминальным путём? Я ничем серьёзнее двойной бухгалтерии и взяток чиновникам не занимался. Можно, конечно, поиграть в Нострадамуса, предсказывая будущее. Покопаться в памяти или архивах у себя там, подготовиться и быть предвестником катастроф, стихийных бедствий и судьбоносных политических решений. Мерзко! Походить на клоуна, выслушивать обвинения в шарлатанстве... Не-е... Кроме того, почему-то кажется, что за такое можно схлопотать по башке. От кого? Ну, кто-то же создал эти карты!

Да, положеньице... Фантасты обыгрывают попадание в прошлое каких-то пустяковых артефактов или крупиц информации, переворачивающих основы мироздания, а тут тебе всё на блюде с голубой каёмочкой – но ничего не придумаешь. Всё что можно – это предостеречь родных и знакомых от мелких неурядиц и проблем, порекомендовать какие-нибудь «тёплые места». Ничего глобального.

Значит, вариант один – просто жить. Ему. Не мне. Мне ведь остаться всё равно нельзя: едва я усну, моё сознание покинет это тело, и проснусь вновь я уже на расстоянии семнадцати лет отсюда. Без вариантов.

В общем, хорошо, что нет искушения остаться.

Дом. Родители спят. Повезло. Я тихонько крадусь на кухню, утоляю жажду компотом из холодильника, пробираюсь на цыпочках в свою комнату и, едва стянув одежду, валюсь спать.

Он ждёт меня. Или не ждёт. Может, только что пришёл. Тут не поймёшь: синхронизации между временными потоками нет. В своё прошлое я путешествую, растягивая удовольствие, уже полгода. Для меня юного первый контакт состоялся полтора месяца назад.

Но всё равно. Подсознательно кажется, что он меня поджидает. И даже догадываюсь, о чём хочет со мной поговорить. Но начинает с другого.

Юра Хой умер. Я долго не могу понять, о ком он, потом вспоминаю. Музыкант. Группа «Сектор Газа». Солист.

Да, говорю. Из жизни ушло за эти годы много ярких людей. И своей смертью, и не своей. Ты хочешь предупредить их о том, что с ними будет? Думаешь, стоит? Вообще это твоё право, но я бы не стал. Наверное. По крайней мере, не Юру, который сам выбрал свой путь с наркотой. Цоя, пожалуй, попробовал бы спасти да Башлачёва... Но они ушли ещё до моего семнадцатилетия. А? Ну, да, я припоминаю, каким успехом пользовались

колхозно-панковские песенки... Но давай начистоту. Ты ведь хотел поговорить со мной о другом? Я прав?

Хочешь поговорить о том, как всё закончится и кто сделает главное. Ты не желаешь в этом участвовать. Ну ещё бы! И у меня желанья нет, но от этого никуда не деться. Любишь кататься, люби и саночки возить, как говорится. Ладно, ты как-нибудь начни подготавливать почву, а последний разговор будет за мной. Да, знаю. Да, подло. Ну что ты ноешь, я всё понимаю.

Понимаю!

На первых порах после разрыва (три карты, может четыре) мосты строил лишь я, а мой двойник держался в стороне от всяких сцен, расставляющих точки над «ё» в наших отношениях. Лишь телефонные разговоры ни о чём да недолгие ненавязчивые встречи, к которым я его тщательно готовил. Потом произошло то, чего и следовало ожидать – угасший огонь страсти запылал с новой силой. В Наташку влюблёнными оказались мы оба. Причём взаимно. Прошло совсем немного времени, и теперь уже я-молодой давал инструкции и наставлял меня-взрослого перед перемещениями, если в том была необходимость.

Как же будет трудно и больно жечь возведённые мосты...

Но я сделаю это. За свои поступки нужно платить самому. Сполна. Так?

И я ещё раз повторяю, вздыхая, что разговор будет за мной.

Хорошо, говорит он. Хорошо, машинально отвечаю я, хотя ничего хорошего тут, конечно, нет.

Пока, говорит он. Пока, отзываюсь я.

Мы оба уходим во тьму. Каждый в своём направлении.

Лето. Тут лето. Такое желанное и волшебное после холодного, дождливого октября моего времени. Наташка весёлая, озорная, счастливая. Светлый сарафан на загорелом теле. Босоножки на каблучках. Заколка-бабочка. Ослепительная улыбка. Искрящиеся глаза. Летящая походка. Яркая помада, которой, впрочем, как обычно, суждено быть съеденной. Ну просто девочка с картинки!

Или из воспоминаний.

Мы на танцах. Для меня это изрядная экзотика. Я думаю о том, как бы не ударить в грязь лицом, потому как не танцевал уже целую вечность, но вместе с тем внутри что-то такое разгорается... дикое, свободное, пофигистичное... не описать словами. Витает мысль, что это ответка за театр: по поводу дискотеки я-молодой просто поставил перед фактом, не дав возможности выбирать. Глупо, коли так. Облажаюсь я – значит, облажается он. Учитывая то, что мы в компании, – плохая шутка. Впрочем, может, тут и нет никакого коварства...

Приятно видеть забытые лица. Миха, Витёк, Инка, Стас, Настюха. Кто-то ещё подходит, здороваются, но я их не помню. Неважно...

Танцплощадка постепенно заполняется. Отдыхаем. Танцуем. Тело двигается в такт музыке. Сперва робко, застенчиво, зажато, потом с каждой новой композицией всё легче, энергичнее и отвязно. Вначале я повторяю движения окружающих, вспоминаю, учусь, потом всё происходит уже само собой. Зажигаем!

Репертуар – полное ностальжи. Рэп, техно, диско, рок-н-ролл. Ещё нет этих «кислотных» ламп, лазерных лучей и стробоскопов, по крайней мере нет здесь, на этой летней площадке. Только цветные прожекторы да зеркальный шар над пультом диджея, пультом ещё без компьютера конечно.

Я пожираю глазами Наташку. Её движения так грациозны, так обольстительны... Заколочка отправляется в мой карман, её взгляд стреляет из-под взлетающей и опадающей чёлки. Я смотрю и не могу оторваться.

А потом я решаюсь отправиться к диджею. Я не уверен, что тут уже вышла эта песня, что она есть в здешней фонотеке, однако мне везёт. Заказ композиции обходится по цене хорошего коктейля, но я не жадничаю.

Музыка на танцполе на миг стихает, и стриженный «площадкой» пацанчик из-за пульта объявляет, что следующая песня звучит для девушки Наташи от её молодого человека. Натка вопросительно смотрит на меня. Я расплываюсь в улыбке до ушей – ничего не могу с собой поделатъ – и киваю. Для многих эта песня, под которую особо не потанцуешь, – перерыв на выпивку и сигарету, мы же остаёмся в центре зала.

Я знаю, что мы никогда не забудем этот медленный танец.

*В старом парке пахнет хвойной тишиной,
И качаются на ветках облака.
Сколько времени не виделись с тобой?
Может, год. А может, целые века.
Ни за что теперь не отыскать следов
В дальний край, где мы друг друга не нашли.
Я пришёл к тебе из позабытых снов,
Как приходят в свою гавань корабли.*

*Натали, утоли мои печали, Натали.
Натали, я прошёл пустыней грусти полземли.
Натали, я вернулся, чтоб сказать тебе: «Прости».
Натали, от судьбы и от тебя мне не уйти.
Утоли мои печали, Натали.
Натали...*

*Потерял я где-то в бездорожье лет
Безоглядную влюблённость и покой.
Брал от жизни всё, что мог, и не секрет –
Я не свят, я виноват перед тобой...*

Слова ножом режут по сердцу, за строчками я вижу себя, и оттого на душе становится невообразимо больно и... хорошо. Скрипки на заднем плане в припеве заставляют глаза предательски блестеть. По счастью, этого не видно. Её голова лежит у меня на плече. Мои руки просто обнимают её, самую классную девчонку на свете.

Незабываемый вечер!

Я провожаю Наташку до дома. Мы, счастливые, бредём, держась за руки, по уснувшим улицам. Судьба хранит нас от любителей гоп-стопа и прочих шальных персонажей, коими славилась те времена. Потом мы долго стоим под подъездом, целуемся, не в силах расстаться. Наконец её каблучки возносятся по ступенькам на третий этаж. Красивые ножки мелькают в окне подъезда. Я жду, пока щёлкнет дверь, и лишь после этого ухожу.

*Я проделал долгий путь,
Только время обмануть
Невозможно, Натали...*

Он встречается меня в этом подпространственном тамбуре. Подавленный, грустный и даже немного озлобленный, хоть и пытается скрыть это. Я делаю ставку на то, что причина в ревности – всё-таки два мужика в одном теле... Обычно я угадываю его настроения и мысли, ведь я – это он, а он – это я. Но не на сей раз.

Мы долго молчим, потом он ставит меня к стенке вполне логичным, но притом неожиданным вопросом. Он спрашивает меня: знаю ли я, как обстоят дела с Наташкой там, в моём времени?

Дела? Нормально дела, автоматически говорю я, хотя не имею ни малейшего понятия о том, как сложилась её судьба. Слышал, что у неё семья, ребёнок. Слышал, что она уехала из города. Иногда накатывало желание разыскать, но дальше самого желания дело не шло. Стыдно, конечно. Я ведь так с ней поступил... Или поступлю...

Я словно чувствую на себе осуждающий взгляд себя-молодого. Полегче, парень! Ты – это я. Ты поступишь так же в своё время, нечего на зеркало пенять. Суждено нам быть сволочью. Не быть, может, только стать. Стать, быть... Но какая, к чёрту, разница!

Он не отвечает. Мне чудится горький вздох. Потом контакт разрывается.

Три карты. Всего три. Это всё, что осталось. Я сижу в опустевшем офисе, за своим столом, разложив перед собой эти магические прямоугольники. Вечер пятницы. Все разошлись, компанию мне составляет лишь бокал коньяка да рыбки, плавающие на экране монитора в качестве заставки. В окно стучит холодный ноябрьский дождь, наверное последний в сезоне. Жутко не хочется возвращаться домой. Утром мы разругались с женой из-за того, что я неправильно воспитываю детей, я слишком строг, я плохой отец, когда нужно, меня вечно нет, ну и далее, что я эгоист, что я всё делаю ей наперекор, что я слышу только себя. Не знаю, может быть, относительно некоторых вещей она и права, но потакание детям в капризах уже привело к тому, что Лёшка, наш старший, вырос вруном и бездельником. Он прогуливает школу, никого не слушает, а вчера он без спроса унёс из дома камеру и умудрился разбить её.

По мне – так это очень серьёзный проступок. Моё детство и юность научили меня аккуратно обращаться с вещами и чувствовать ответственность за свои действия. Жанна, выросшая в семье, где не было неисполнимых желаний, привыкла к другому. Наши мнения оказались противоположными. С этого всё началось.

Три карты. Я перебираю их в руках, не первый раз задавая себе вопрос, почему я следую возникшему ниоткуда правилу, что использовать карты нужно в порядке возрастания их достоинства? Может, это и не имеет значения, а может, имеет, и ещё какое! Я давно думаю над этим, но ни разу не посмел нарушить порядок. Что-то не давало. Дама, король, туз. Что будет, если я сейчас порву туз? Что изменится? Нет, не рискну идти вопреки предчувствию.

Три карты. Значит, финал близок. По уму, нужно уже готовить почву для разрыва, но я не знаю, смогу ли. Чем ближе к концу, тем тяжелее. Одолевают тысячи мыслей. В душе тлеет желание послать всё к чёрту и не расставаться с Наташкой, но разум твердит менторским тоном сквозь боль и грусть: «Нельзя! Нельзя!»

Ну что теперь? Позвонить домой, извиниться перед Жанной, купить по дороге букет цветов и отложить визит в прошлое до лучших времён или всё-таки порвать карту?

Глоток коньяка. Стук капель. Вой ветра. Тиканье часов...

Я смотрю на рисунок стрелок. Начало восьмого. Ещё можно многое успеть. Мне-молодому в моём теле придётся несладко – или болтаться по городу (причём желательно без машины: во мне уже больше ста грамм коньяка), или идти с повинной к жене. Впрочем, это можно обсудить в астрале.

Да или нет? Нет или да?

Я уже знаю, что судьба червовой дамы из заветной четверть-колоды предрешена.

На тот факт, что я порвал карту на работе, я-молодой реагирует на удивление спокойно, лишь интересуется всякими мелочами, по типу есть ли интернет, найдётся ли кофе, может ли кто-нибудь зайти вроде охранника, уборщицы или забывшей зонтик секретарши. Я рассказываю всё что надо. Мы ведём непривычно мирную беседу, причём я никак не могу уловить настроение своего юного «я». Он какой-то весь в себе, серьёзный и немногословный. Получается так, что я говорю раза в два больше его. Не забываю с сожалением признать, что у него только два варианта: явиться с повинной домой, к семье, или заночевать на диване в приёмной. Напоминаю о выпитом коньяке и прошу воспользоваться, если что, такси. Странно, но он не возражает.

Я всё-таки спрашиваю, что с ним такое. Ничего особенного? Как, кстати, вступительные? Отлично! Поздравляю! Видишь, я был прав. И в другом... Ладно. Не буду. Что? Нет, я ничего не узнал про эти карты. А ты? Стас? Ну помню... Был с нами тогда на озере, да? Ну, рассказывай!

Действительно, ничего особенного. Стас, один из участников той памятной пьянки, вспомнил, что пока мы болтали с тем мужичком, он вставал отлить и слышал какую-то, по его мнению, хрень про то, что я должен сделать выбор между четырьмя сторонами жизни: деньгами, здоровьем, любовью и чем-то ещё... Это всё. Больше вытрясти из Стаса ничего не удалось. Жаль.

Четыре масти. Четыре стороны жизни. Очень похоже. Богатство, здоровье, любовь, что ещё... власть, слава, удача? Хм, а я выбрал... любовь. Червы – сердечки. Сердечки – любовь. Это понятно, но... Может быть, я всё-таки выбрал деньги? И вообще, выбирал ли я? Тогда кто решил этот вопрос за меня? И что этот выбор или невыбор означает?

Ладно. Я уже готов шагнуть сквозь время, но меня останавливает смешок моего младшего «я». Что ещё? Ты тоже порвал карту не дома? А где? Что значит не скажешь?! Какой, к чёрту, «сюрприз»?! Я должен знать, куда меня выбросит!

Я начинаю ругаться, но понимаю вдруг, что бессилён. Я-молодой уже ускользает вниз по течению реки времени. Меня тянет вверх. Рефлекторное сопротивление. Барахтанье. В голову лезут дурацкие мысли, что я должен беречь своё юное «я», чтобы ничего не случилось со мной самим, но юное «я» вовсе не обязано заботиться обо мне. Впрочем, не сделает же он плохо своему телу. С этой мыслью я плыву в сверкающий водоворот.

Сюрприз! Я покажу ему потом сюрприз!

Сюрприз, однако, удаётся.

Это то самое озеро, с которого всё началось, только ничего загадочного на сей раз не предвидится. Вечер. Берег. Костерок. Палатка. Песнопения сверчков и провожающего

солнце дрозда. Идиллия, нарушаемая лишь атаками комарья. Да, качественный репеллент бы не помешал...

Мы сидим с Наташкой у тихо плещущейся воды. Мы одни. Я нежно обнимаю её за талию. Она кладёт голову мне на плечо. Как хорошо... Сидел бы так целую вечность. О том, что пора начинать процедуру расставания, даже думать не хочется. Язык не повернётся сказать нечто такое, чем-то обидеть её, милую, добрую, ласковую... Гад я всё-таки. Подлец и гад!

Закат догорает. Истончается багряная нить у горизонта. Ночь наползает с востока, безлунная августовская ночь.

О! Звезда полетела! Нет, не успел загадать. Ты тоже?

Здесь, вдалеке от огней цивилизации, по соседству с первобытными стихиями я в очередной раз пытаюсь понять, что значат эти перемещения и правильный ли я делаю выбор? Расстаться с любимой девушкой просто потому, что так надо... Надо для успешного будущего. Променять любовь на отличный от нуля общественный статус...

Остаться с Наташкой... Я могу представить, как это будет. Её родители – бедняки, мои – тоже. Чтобы начать жить, мне придётся бросить институт и пойти работать, и всё равно отдельное жильё мы себе позволить не сможем. Жить с тещей... Бр-р... Или с моими... Тоже ничего хорошего. Снимать комнату? А родится ребёнок?.. С работой тогда, кстати, было туго. Я буду горбатиться где-нибудь на рынке на хозяина, завистливо думая, что этим самым хозяином вполне мог быть я. Так просто – относительно небольшой капитал, умный наставник, полезные друзья – и вот уже начало положено. Так и получилось в моей версии жизни. Благодаря родне Ирки. Они устроили меня в небольшую фирму на хорошую должность. Я взял резкий старт, стал ценным сотрудником, перезнакомился со многими нужными людьми, а потом сошёлся с большим боссом, у которого была дочь на выданье – Жанна. Ирка всё пронюхала про мои подкаты, поскандалила, чем и ускорила наш разрыв. Ну, что говорить, я очень хотел вырваться из оков нищеты. Вырвался. Стал пусть не богачом, но, по крайней мере, средним классом. Правда, не совсем независимым, я по-прежнему хожу под тем большим боссом, «папой», но теперь всё иначе, ибо вложенные в меня пять золотых я отработал сполна.

Штука в том, в этой жизни не принято выходить на старт пустым. Американская мечта – не для нашего общества.

Забавно, даже здесь, на природе, где система городских ценностей совершенно неактуальна, я всё равно гну свою линию. Материализм. Бабки и только бабки. Не был я таким всё-таки раньше. В любовь верил и любить умел. Мне так кажется.

Вот же, млин! И ведь не дано никакого третьего варианта – к примеру, не терять Наташку из виду, продолжать общаться, дружить, а потом, когда-нибудь, когда почувствую, что пора, вернуться к ней. Нет, знаю, так не выйдет. Не будет Наташка меня ни с кем делить, не будет непонятно чего ждать, ничего не сложится с «просто дружбой». Глухо!

А может, я вообще забиваю микроскопом гвозди? Может, карты позволяют творить вещи гораздо более чудесные и притом изящные? Чёрт возьми! Так некому научить-то!

Впрочем, есть ещё один вариант. Остановиться. Остановиться перед финишной чертой. Но устою ли я, когда так велик будет соблазн заглянуть за эту черту?

Твою налево! А ведь поначалу это походило просто на милый экзотический вид отдыха. Мирный отпуск в прошлом. Рандеву с памятью. А вот как обернулось! Я вынужден мучиться и страдать, пытаюсь сделать выбор между любовью и разумом, между любовью и долгом. Каким долгом? Да взять хотя б моих детей, которых я, как ни крути, люблю.

Знала бы Наташка, что за мысли бродят в моей голове. Знала бы она, что за страшный человек находится сейчас в теле её семнадцатилетнего бойфренда – сволочь, циник, материалист... Рассказать? Нет, конечно, нет!

Что? Снова звезда? И ты успела загадать желание? Какое, скажешь? Чтобы мы всегда были вместе? Я так и думал.

Я оставляю Наташку через пару часов. Оставляю расслабленной, удовлетворённой, засыпающей. Заботливо укрываю своей рубашкой её обнажённые плечи, целую в закрытые глаза, выключаю походный фонарик. Затем устраиваюсь рядом, прижимаюсь к юному прекрасному телу и засыпаю.

Я-молодой выходит из тьмы, и с первых мгновений его появления я понимаю, что склоки не избежать. Он зол, я бы даже сказал, в ярости. Блаженное ощущение счастья, присутствовавшее в момент отхода ко сну, тут же улечивается.

Я пытаюсь начать разговор первым, виновато признаюсь, что не смог ничего сказать из того, что следовало бы. Но моё юное «я», кажется, и не сомневалось в этом. Причина его злости в другом.

Он почти кричит о том, что я врал, мол, с Наташкой в моём времени всё нормально. Ничего не «нормально»!

У меня холодеет внутри. Что?! Что с ней?

В следующий миг я узнаю, что два года назад Наташка потеряла в ДТП дочь, а три месяца тому её муж – шахтёр по профессии – стал инвалидом. Жизнь не была к ней добра. Измученная женщина Наталья больше не похожа на прежнюю молоденькую Натусю. От той, что мы любили, ничего не осталось. Последние его слова: «Ей очень плохо, мужик!» прямо-таки пульсируют у меня в мозгу.

О, то, что я чувствую, не передать словами!

Ты видел её, спрашиваю я, с трудом пытаюсь сохранить хладнокровие. Видел?

Нет. Он лишь разговаривал по телефону с её мужем, Виктором. С ним произошёл несчастный случай в шахте. Завалило. Куча переломов, сотрясение и – что уж совсем хреново – ампутация кисти правой руки. Наталья работает в две смены, чтобы собрать ему на операцию. Они живут в маленьком городишке в шестидесяти километрах отсюда. Когда я-молодой говорил с Виктором, тот плакал. Взрослый мужик, который бессилён что-либо сделать. Плакал.

Понимаю ли я, каково им? Каково ей?!

Я-молодой сникает и сам чуть не плачет. А я чувствую себя раздавленным и вывернутым наизнанку, мне даже не хочется спрашивать, как он узнал её номер. Виноват ли я в том, что произошло? Виноват? Ну, скажите кто-нибудь, потому что я не знаю. Я, конечно, помогу чем смогу. Понимаю, что поздно, но лучше поздно, чем никогда.

Да, запал у меня-юного иссяк, но это не значит, что негатив по отношению ко мне рассеялся. Вряд ли. Это же юность – максимализм, вспыльчивость, существование на одних эмоциях. Того и гляди он возьмёт и всё сделает по-своему. Останется с Наташкой, проживёт такую жизнь, какую сам пожелает. Дойдёт до всего своим умом, без моих советов. Наверное, будет жалеть. А может, и нет. Не исключено, он даже выберет тот самый путь, о котором я недавно думал сам. Остановиться в шаге от финиша...

Словно прочтя мои мысли, я-молодой заверяет, что уговор есть уговор и после того, как я проведу финальный разговор с Наташкой, он больше не попытается возобновить с ней отношения. А далее – по плану.

Нечто вроде рукопожатия.

Прощание без слов.

Тьма.

Адрес и номер телефона Натальи я нахожу под клавиатурой офисного компьютера. Угрызения совести сильны, я не знаю, что буду говорить, не знаю, как пройдёт эта встреча спустя годы. Но откладывать в долгий ящик визит к ним нельзя. В воскресенье я отправляюсь в тот шахтёрский городок.

Холодно. Сезон дождей окончен. Серые тучи, низко нависающие над землёй, временами роняют маленьких белых мушек. Пока снег тает, но это ненадолго. Дорога ужасна. Приходится напряжённо прокладывать курс между ям и колдобин старого шоссе, тащиться в хвосте больших коптящих грузовиков, сосредоточенно проходить подмёрзшие участки. Впрочем, это отвлекает от тяжёлых мыслей.

Как же погано я себя чувствую!

«Хонда», выдержав весьма нелёгкий путь, ещё немного плутает среди узких перпендикулярных улиц, затем ложится на верный курс. Конечная точка – у мрачной, обшарпанной пятиэтажки с отсутствующей дверью парадного. Зловещий тёмный проём поглощает меня. Подъезд грязный и вонючий; облупленные и разрисованные стены, разбитые окна. Бычки и бутылки из-под пива по углам. Попадают даже шприцы. Вот и дверь, обитая в незапамятные времена дерматином. Сверяюсь с лощией. Та! Звонок не работает. Стучу.

И долго не могу ничего сказать, когда дверь открывает она.

Мой пульс, словно секундомер, догоняющий время, за минуту пытается преодолеть пропасть в семнадцать лет. Ах, гады-годы...

Что? Муж говорил, что я звонил? Да, я звонил...

Она устало пожимает плечами и приглашает войти.

Мы сидим на крохотной, бедно обставленной кухне, пьём чай из старых треснутых кружек, в то время как её муж в пропахшей лекарствами комнате (единственной комнате) лежит на кровати и смотрит телевизор. На вид ему под сорок, хотя вряд ли на самом деле он старше меня. Бледная кожа, впалые глаза. Я никак не могу забыть протянутую для рукопожатия левую руку и смущённый, отведённый в сторону взгляд. У изголовья кровати я замечаю фото, на котором запечатлено счастливое семейство – мама, папа и худенькая девочка лет семи-восьми. Как же Наташкина дочь была похожа на свою маму!

Мы сидим. Передо мной уставшая, измученная женщина, которую не пощадило время, оплывшая, с сединой на висках, с натруженными руками, давно забывшими про маникюр. Особенно страшно оттого, что ещё буквально вчера я засыпал рядом с ней в палатке и она была юной, красивой, желанной, живой, с супругим телом, гладкой кожей и шелковистыми волосами, разбросанными по плечам. И вот она – реальность! Просто в голове не укладывается.

Мы сидим. Разговор не клеится. Наталья запахивает потуже старенький халат, запускает руку в короткие нечёсанные волосы, извиняется за свой внешний вид. Ерунда, отмахиваюсь я, но моё строгое пальто и ботинки за две сотни баксов, наверное, кричат об обратном. Говорить про то, как мы жили все эти годы, не хочется совершенно. Вспоминать прошлое – тем более.

Мы полностью чужие друг другу. Между нами – стена, и я не знаю, какие слова помогут нам пусть не сломать её, хотя бы прорубить маленькое окошко.

От полной безысходности меня спасает лишь не до конца растроченная синева её глаз, которую я вижу, на мгновение перехватывая взгляд.

После очередной попытки завязать разговор я сдаюсь и просто достаю из внутреннего кармана деньги. Тысяча баксов и поверх банкнот – моя визитка.

Она ошеломлённо смотрит на купюры. Отказывается, но совсем вяло. Я знаю, как нужны ей эти деньги. Я слышу «спасибо» и вижу стыдливо потупленный взор. На самом деле стыдиться и испытывать муки совести нужно мне.

Затем я ухожу. В дверях мы задерживаемся, и Наталья касается моей руки. Это касание совсем не похоже на те, что я помню, однако кожу словно жжёт электричеством. Растерянно я смотрю на руку, потом медленно поднимаю глаза. Она плачет. Слезы одна за другой катятся по щекам, губы дрожат. Не в силах больше терпеть этот ад, я бегу вниз. Последние её слова эхом звучат у меня в ушах.

Всё могло бы быть иначе, правда?

После поездки в шахтёрский городок я неделю прихожу в себя, глуша вечерами коньяк и притупляя сознание бездумными компьютерными стрелялками, отобранными у сыновей. Звонка от Натальи не жду, знаю, что его не будет. Я просто перевариваю всё, борюсь с собой, вновь и вновь пытаюсь найти или выход, или оправдание. Наконец, я принимаю решение, и клочки червового короля ложатся на ковёр моего кабинета.

Проскакиваю астрал, получив дозу нерадостной информации о текущем положении дел.

Ладно, будем исправлять ошибки.

В отношениях с Наташкой неловкость, напряжённость и колючий холодок. Причина понятна: я-молодой провоцирует ссоры и конфликты, ищет всевозможные предлоги, пытается придирается ко всему. Я также догадываюсь о том, что это получается у него плохо и вслед за ссорами следуют примирения: любовь в себе убивать так трудно! Ещё он, наверное, оправдывает себя тем, что последний удар должен быть за мной. Должен-то должен, но...

Интересно, сколько это продолжается? Сколько он уже мучает и её, и себя? Как далеко зашёл? Надеюсь, не слишком далеко. Надеюсь, всё ещё можно вернуть.

Я здесь сегодня как раз для этого.

Это решение мной по-настоящему выстрадано. И, кажется, это единственный выход.

Да, никакого разрыва с Наташкой не будет. По крайней мере, сейчас. И уж точно не по моей инициативе. Я умываю руки. Пусть чувства преобладают над разумом, пусть балом правит любовь. Я не буду больше давить, не буду уговаривать, не буду мешать. Весь расклад и так как на ладони. Если я-молодой желает быть вместе с ней – пускай! Надеюсь лишь, что он не пожалеет. А я... Я останусь, как говорится, при своих. Я влюблён в Наташку не меньше его, но моя жизнь держит меня гораздо крепче. Я связан по рукам и ногам, я привык к обеспеченности, благоустроенному быту. У меня есть два родных оборота... Терять это я не хочу.

Поэтому, чтобы сохранить свой мир и свою жизнь, я окончательно решил не использовать последнюю карту. Ведь мы пришли к выводу, что все перемены должны случиться именно потом...

Я представил, как я-молодой рвёт туза, входит в астрал и... не находит там никого. Нет, я, конечно же, предупреджу его. Напишу записку...

После нескольких минут слегка настороженного телефонного общения мы договариваемся с Наташкой о встрече в парке. Я покупаю цветы и иду пешком, чтобы насладиться умытым августовским дождём городом юности, с которым мне очень скоро прощаться. Моё настроение – гремучая смесь из щемящей тоски, надежды в то, что я поступаю правильно, мук расставания с любимой и тихой радости оттого, что всё это вообще имело место в моей жизни. Как там крылатое: «Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было».

Город. Я иду и пытаюсь впитать в себя его атмосферу, краски, запахи, звуки, ритмы. Я хочу запомнить эти улицы и эти дома, эти ларьки и деревья, эти трамваи и троллейбусы, этих людей, которые живут и не знают, что ждёт их впереди. Пусть не было ничего особенного во всём этом, пусть нелёгким оказалось для многих это время, но для меня оно неизменно лучшее. Время моей юности.

Я иду, чуть улыбаясь. Я хочу насладиться каждой веточкой и каждым лучиком, каждой трещиной в асфальте, пока у меня есть такая возможность. У горизонта тает робкая радуга. Стая голубей кружит в вечернем небе. Ветер играет кронами деревьев, сбрасывая с листьев на прохожих тёплые капли. Радио на углу на фоне старомодной мелодии сообщает о первой годовщине первой FM-радиостанции в городе. Ещё можно увидеть на улице легендарные «Победы» и горбатые «Запорожцы», а 412-й «Москвич» уходит со светофора как заправский гонщик. Выпятив грудь, проходят волосатые металлисты в модных чёрных футболках с изображением рок-групп. Скоро такие персонажи почти исчезнут. Мамаши выгуливают своих карапузов – интересно, в кого превратятся их дети через семнадцать лет? Пенсионеры на лавочке в сквере играют в шахматы. О том, что станет с ними спустя годы, думать не хочется.

Я поднимаю голову вверх и вижу вечность – небо, солнце, облака и маленький кусочек почти исчезнувшей радуги...

Надо всё-таки чаще смотреть ввысь...

Наташка очаровательна. При мысли, что мои часы пребывания с ней сочтены, у меня щемит сердце.

Мы встречаемся у входа в парк отдыха. Я протягиваю букет и получаю в награду поцелуй. Поцелуй тёплый и живой, но в уголках губ – лёд, и я хочу его растопить. Я приглашаю Наташку на свидание с небом. Когда корзина чёртова колеса взмывает над землёй, я беру её за руку.

Любимая, прости меня. Прости за то, что был таким, что так себя вёл. Я был неправ... Нет, ты тут ни при чём. Дело во мне. Да, я в последнее время изменился, я обижал тебя, но это не повторится. Я даю слово, что отныне всё будет хорошо. Это было... Под давлением обстоятельств, скажем... Нет, я не оправдываю себя. Каких обстоятельств? Я расскажу об этом позже, ладно? В эту минуту я хочу лишь, чтобы ты поняла, всё будет хорошо.

Не знаю, откроет ли я-молодой ей нашу тайну, сейчас я уже думаю, что можно, хотя бы в общих чертах. А то и всю историю целиком, от двойки до... последней карты. Мне кажется, Наташа должна узнать, эпицентром каких страстей являлась. Но решать, говорить ей про это или нет, уже не мне.

Мы в верхней точке. Ветер треплет волосы, доносит аромат отступившей грозы.

Милая, давай не будем разбираться, кто виноват. Не сегодня. Ну пожалуйста! Как-нибудь потом. Смотри, какое небо! Смотри, какая красота вокруг! Давай всё забудем. Забудем всё плохое. Я только теперь осознал всю ценность нашей любви. Пожалуйста, поверь! Я говорю правду.

Ты готова? Тогда мы оставляем наши недомолвки и проблемы на этой высоте и ступаем на земную твердь парой, которую ничто не сможет разлучить. Та-дам!

О, как же я люблю её чистый, звонкий смех! И поцелуй её люблю.

Нам хорошо. Я стараюсь наглядеться в её глаза, вдоволь насладиться вкусом губ и запахом волос, сохранить в памяти бархат кожи и голос, но верно говорят, что перед смертью не надышишься.

Вечер пролетает как одно мгновение.

Мы гуляем, мы едим мороженое, мы катаемся на карусели. Мы подолгу целуемся, теряясь при этом во времени и пространстве, как умеют только молодые и по уши влюблённые. Мы сидим на лавочке в укромном уголке, пьём одну бутылку ром-колы на двоих и говорим о жизни, о том, что нас ждёт, о нашем будущем доме и о том, как назовём наших детей. Слова слетают с языка легко, но на душе мутный, тяжёлый осадок, ибо я знаю, как могут разбиваться юношеские мечты о камни реальности. Моему «я» из прошлого и Наташке придётся несладко. Жизнь не будет к ним благосклонна.

Хотя... Кто знает...

В любом случае, он сам отверг дворец и сделал выбор в пользу рая в шалаше. Я не осуждаю его, особенно теперь, но и помочь ничем не могу.

Мои минуты здесь уже сочтены. Закат гаснет.

Я становлюсь подавленным и печальным. Да, нужно взять себя в руки, проводить Наташку до дома, попрощаться с ней и возвращаться, но я не знаю, смогу ли отпустить её, зная, что это **навсегда**.

Смогу. Мне ничего другого не остаётся.

Я борюсь с искушением зайти к Натке на чай. Отказываюсь. Это лишь продлит агонию. Ни к чему. Мы долго стоим в темноте у подъезда, почти не разговариваем. В доме постепенно начинают гаснуть окна.

Не плачь, потому что это закончилось, улыбнись, потому что это было, говорю я себе.

Я пытаюсь стать холодным. Я пытаюсь абстрагироваться от чувств, потому что иначе будет совсем худо.

Я чуть не говорю «Прощай» вместо «Пока». Пока, родная, милая, любимая! Что? Всего лишь «до завтра»?! Ах, ну да, конечно... До завтра!

Но завтра для меня не наступит в этом мире никогда.

Я всё-таки отпускаю её, выжидаю несколько секунд и ухожу. А Натали, взбегаю по лестнице, навсегда уносит с собой часть моего сердца.

Домой я добираюсь весьма экзотичным способом: приятель подвозит меня на мотоцикле. Это можно расценивать как прощальный подарок судьбы. Рёв мотора и встречный ветер отгоняют тоску и наполняют сердце уверенностью, что мы сами выбираем наши дороги. Мотопрогулка к тому же экономит время, дома я оказываюсь раньше, чем ожидал. Родители ещё не спят, смотрят телевизор. К счастью, никаких наездов в мой адрес...

Я задерживаюсь в их комнате – хочу побыть напоследок с ними такими, ещё совсем не старыми.

Да, посижу с вами. Спать не хочется. Есть? Нет, мама, я не голоден. Да, я знаю, что в холодильнике... Фильм интересный? Ага, смотрю. Что? Я сегодня странный? Нет, мам, всё в порядке. Чего говоришь, папа? Когда я представлю вам свою невесту? Хм, наверное, скоро.

Через полчаса, когда хорошие парни побеждают плохих, мама уже спит, папа засыпает. Я выключаю телек, вполголоса желаю им спокойной ночи и иду к себе.

У меня остаётся последнее дело. Я жму «PLAY» на своём скрипучем кассетнике, беру лист бумаги и сажусь у окна. Под вкрадчивые гитарные риффы кого-то из легенд ритм-энд-блюза и мелодичный шелест тополя я пишу письмо себе здешнему.

Я пишу. Про своё решение. Про последнюю карту. Про жизненные пути, которые с этого момента расходятся. Про то, что теперь всё в его руках. Про любовь, смелость и верность. Про то, что я никогда не забуду это время. В конце я желаю ему удачи, а после слов прощания долго думаю, как подписаться, и в итоге ограничиваюсь ёмким и всеобъемлющим «Я».

Всё! Оставляю письмо на видном месте, в последний раз оглядываю свою комнату. На глаза наворачиваются слёзы. Конец истории. Я тушу свет, ещё несколько мгновений стою у окна, слушая ночь, пытаюсь уловить что-то там, по ту сторону мрака. Может, осень, крадущуюся на цыпочках в город, может быть, само движение времени. Падающими звёздами небосклон не балует. Слеза таки скользит по щеке. Это – реквием по упущенным возможностям, по прошлому, по Наташке...

Наконец, я падаю в кровать ничком и засыпаю, по-детски всхлипывая, уткнувшись носом в подушку. Слуга времени – часы на стене сопровождают мой исход мерным тиканьем.

«Астрал».

Мы долго молчим – я и я-молодой, – словно пытаемся сохранить хрупкое перемирие, не сорваться на склоку. Я ничего не говорю про своё решение. Почему? Сам толком не знаю. Не хочу больше давить на него. Пусть сам думает, как поступить и какой путь выбрать – на мою жизнь это уже никак не повлияет, пока цела последняя карта. Я знаю, он останется с Наташкой, но я надеюсь, он осмыслит происшедшее с нами ещё раз. Сам. Кто знает – может, желание прожить жизнь состоятельного человека вдруг перевесит? Кроме того, мне не хочется чувствовать себя проигравшим. Для меня это равносильно признанию в слабости и неправоте. А ещё мне нравится расценивать своё решение как прощальный сюрприз.

Поэтому я молчу. Молчит и он тоже. Видимо, устал.

Что? Да, поговорил. Как? Нормально. Как-то подозрительно он ведёт себя. Уж не заподозрил ли чего? А если он додумался до того же, что и я? Впрочем, какой смысл? Если бы он захотел, то смог бы настроить Наташку так, что моя попытка разрыва элементарно сорвалась бы, или просто продолжил встречаться с ней и после крайней карты. И я ничем не смог бы помешать ему.

Ха, а вот и долгожданная реакция. Я-молодой начинает беситься, набирая обороты, но в его словах, как ни странно, я нахожу немало смысла.

Не думал ли я, что всё это не просто так, что эта колода – шанс, дарованный нам, шанс что-то изменить в своей жизни, исправить? И Наташка... Не думал ли я, почему именно вокруг неё всё закрутилось? Не вокруг Кати, в которую мы были влюблены до, не вокруг Иры, которая была... или будет... после, а именно вокруг Наташки? Спихнуть на случайность? Можно. Но разве сердце не говорит об обратном?

Я не перебиваю. Знаю, что он прав. К таким примерно выводам я пришёл и сам. Но признаваться в этом нет никакого желания. Гордыня, мать её так...

Я снисходительно улыбаюсь в ответ на его наезды и оскорбления. Да, я корыстный бесчувственный жлоб! Да, ты не такой! Чёрт! Парень, я знаю, ты в натуре не такой! Но и я не безнадёжен. Ты поймёшь, когда вернёшься.

Некоторое время мы напряжённо молчим. Он то ли чего-то ждёт от меня, то ли что-то хочет сказать, но не решается. Я ищу возможность нормально попрощаться. Ведь, скорее всего, мы уже не встретимся, а если и встретимся, то спустя очень много лет.

Всё заканчивается простым неопределённым поднятием руки. Ладно. Долгие проводы – лишние слёзы.

Водоворот тьмы уносит меня прочь, сквозь звёзды и туманности неоткрытых вселенных времени.

Перед рассветом мне снится сон. Кажется, такое впервые. Обычно в ночь после перемещения ничего не снится... или я напрочь всё забываю. Но не сегодня. Видимо, слишком много эмоций было переработано накануне, вот подсознание и выкинуло такой фокус.

Сон-картинка, сон-кино, где я не действующее лицо, но зритель.

Мне снится роскошный загородный дом. Я вижу его ярко освещённое крыльцо и подъездную дорожку. На ней много красивых дорогих машин. Тут, полагаю, происходили какой-то праздник или светская вечеринка, но сейчас уже ночь, и все разъезжаются. На крыльце стоят хозяева дома, а гости по очереди подходят к ним, говорят несколько слов, жмут руки, обмениваются поцелуями и улыбками, затем садятся в машины и уезжают. Последним мероприятие покидает невысокий мужчина в светлом костюме и ковбойской шляпе, в котором я вдруг узнаю мужичка с озера.

Он уезжает на белом гламурном пикапе, а я, наконец, могу разглядеть хозяев.

Мне становится не по себе.

Там, на крыльце, стою... я сам. Не я-молодой, а именно я, мужчина тридцати с хвостиком лет. Ухоженный, элегантный, подтянутый. Одетый в смокинг. Улыбающийся. Рядом с этим мужчиной она... Наташа. Я ни разу не видел её такой и даже не представлял. Это – дама. Это – королева. Ей столько же, сколько и мне. Она статная, оформившаяся, безумно красивая уже не девичьей, а именно женской красотой, совсем не похожая на своего измученного двойника из шахтёрского посёлка. Как можно сравнивать?! Шикарное вечернее платье цвета морской волны, изящная объёмная причёска, искусно подобранный макияж, перстни на пальцах...

Ещё на крыльце стоит девочка лет десяти, тоненькая и хрупкая. Она машет рукой огням последней удаляющейся машины, потом обнимает своих – в этом нет сомнения – родителей, и они уходят втроём в дом. В их жестах и глазах любовь, тепло и счастье.

Двери закрываются сами. На крыльце гаснет свет. И лишь теперь я начинаю понимать что-то. Я видел сейчас не себя. В этот дом вошёл только что в компании любимой жены и дочери совсем другой человек. Рискнувший и выигравший. Сумевший угнаться за двумя зайцами. Не предавший любовь и вместе с тем многого достигший в жизни. Достигший большего.

Я вижу, как по длинному коридору уходят вдаль три силуэта – два больших по краям, один поменьше в центре. Впереди у них горит свет, а там, где они проходят, за их спинами, свет гаснет. Фигурки всё меньше и меньше. Темноты между ними и мной всё больше.

Наконец, остаётся одна темнота.

Пробуждение – тяжёлое. Отчасти из-за сна, отчасти из-за пережитого вчера. Да и вообще... Оно всегда тяжёлое после перемещений. Я уже выучил это. Сознание, управлявшее другим

телом, перестраивается обратно не сразу. Тем более что тело, которым я владел вчера, было юным, сильным, а сегодня у меня немного ноет спина, и мышцы уже не призывают выпрыгнуть из кровати навстречу новому дню. Кроме того, сегодня я просыпаюсь со вселенской тоской по всему, что не вернуть.

Я разлепляю глаза, озираюсь. Вокруг – мой дом, неизменный до такой степени, что я уже начинаю сомневаться в том, что вообще возможно изменить настоящее из прошлого. Я находил оправдание, почему ничего не меняется после моих отдельных визитов, в том, что такова природа карт и я получу всё оптом. Возможно, так и есть, теперь не узнать. Но что, если всё-таки берега реки времени неизменны? Что, если не правы фантасты? Чувствую всё это про бабочку, смерть которой спустя миллиарды лет меняет президента, и про альманах спортивных достижений, способный превратить балбеса в миллионера. И про ключевые моменты истории и биографии – чувствую... Всё предопределено. Как ни крутись, как ни извращайся, что тебе на роду уготовано, получишь сполна, и называется такое положение дел звучным словом «фатум». Судьба.

Забавная теория. А вот ещё одна: что, если вовсе не в прошлое я путешествовал, а в некий параллельный мир, просто чуток отдалённый от нашего во времени? Иная вселенная, независимая вселенная. Здесь жизнь сложилась так, там сложится иначе. Если эта гипотеза верна, то вообще не стоило напрягаться. Но, в любом случае, правды я, скорее всего, уже не узнаю.

Я неуклюже встаю с кровати. Подхожу к окну, упираюсь лбом в холодное стекло. Там, снаружи, идёт снег. Зима. Лето навсегда осталось в прошлом. Самое замечательное лето в моей жизни.

Звуки в доме. За стеной шумит ребячье, Жанка шуршит на кухне, подпевая попсовой песенке из приёмника. «Ла-ла-ла». Хорошее настроение? Удивительно! Гляжу на часы. Почти десять. Ох и засиделся, видать, мой двойник вчера. Интересно, чем он занимался? Отрывался, наслаждаясь современными штучками, зная, что осталось совсем недолго? Собирал информацию, чтобы суметь стать тем, кого я видел во сне? А может, это «ла-ла-ла» неспроста? Постель вдруг начинает казаться мне измятой более обычного. Укол ревности...

Я заворачиваюсь в тёплый халат и, стараясь не шуметь, пробираюсь в свой кабинет. Здесь всё на месте, ноутбук и музыкальный центр выключены. Я сажусь за стол и замечаю коробочку. Диск Гриши Лепса, с той самой «Натали». Подарок. Надо же!

Под диском записка.

«Извини, старик. Ты, конечно, меня осудишь, но иначе я не могу. Я очень люблю Наташу и не расстанусь с ней. Мы сами будем строить нашу жизнь. Как получится – так получится. А чтобы не подставлять тебя и твой сложившийся мир, я решил не рвать последнюю карту. Спасибо за всё. Прощай!»

Я перечитываю записку ещё два раза. На втором начинаю хохотать. Ну конечно же! Он решил точно так же. Он... Я... Ведь мы – одно и то же. Кто бы сомневался...

Он оставит последнюю карту и начнёт всё с чистого листа. Может быть, на закате жизни он захочет порвать её, чтобы проверить, у кого из нас получилось лучше.

Когда мы встретимся и встретимся ли вообще, я не знаю.

Я всё ещё смеюсь. Представляю, как где-то я-молодой делает то же самое. Придурки! Могли бы не устраивать этот цирк в конце и хоть попрощаться нормально!

Я кладу червового туза под обложку подаренного компакт-диска и ставлю коробочку на полку. Потом, позже я ещё послушаю его, и не раз. Когда останусь один, когда опустится ночь, когда я буду упорно ждать хотя бы одной упавшей звезды, чтобы загадать счастья для тех, кто идёт своим путём.

2007